

Ю.Л.Ситько, М.В.Куприянова, И.А.Калиниченко, В.А.Митасов, Ю.В.Курапова

ОБСЛЕДОВАНИЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА ТЕРНОВКИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Представлены результаты сбора и обработки устной разговорной речи жителей с. Терновки. Авторы, основываясь на обследованиях речи других населенных пунктов Большого Севастополя, попытались выяснить, существует ли региолект Севастополя и Крыма. В задачи авторов входит описание особенностей речи жителей с. Терновки и сопоставление этих данных с материалами, собранными в других населенных пунктах Большого Севастополя.

Ключевые слова: Крым, Севастополь, Терновка, региолект, диалект, литературный язык, вариант, русский язык, крымскотатарский язык, украинский язык

На функционирование русского языка в Крыму и Севастополе на протяжении последних семидесяти лет могли повлиять разнородные и разнонаправленные исторические события. Результаты этих влияний авторы попытались обнаружить при исследовании региолекта, функционирующего в Севастополе.

Региолектom называют промежуточное явление между диалектом и литературным языком. Он существует на определенной территории и не разграничивается между селом и городом, ареал его существования не столь ограничен и замкнут, как у диалекта. Региолект, можно сказать, это диалект, подвергшийся облагораживающему влиянию литературного языка. У А.С.Герда находим определение региолекта: «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и поселки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [1]. Н.В.Хорошева справедливо считает, что региолект — промежуточное явление между диалектом и литературным языком, так как диалект охватывает и городскую, и сельскую местность, имеет особые языковые черты, но и не кардинально отличается от литературного языка [2]. Е.В.Ерофеева о региолекте говорит как о промежуточном явлении в цепочке *литературный язык — региональный вариант литературного языка — региолект — диалект* [3]. В работе И.С.Зварыкиной также находим тезис о том, что региолект — промежуточное явление, которое должно быть отграничено от понятия «диалект» и подробно изучено, так как представляет собой сложную систему. По мнению автора, региолект может возникать на основе нескольких диалектов, поэтому понятие региолекта шире. И.С.Зварыкина определяет единицу, в которой реализуется региолект — регионализм [4]. По Т.А.Кадоло это «слова, функционирующие на определенной территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы *обл., местн., прост., разг.*» [5].

Сегодня проблему региолекта изучают в связи с языковой ситуацией в разных регионах бытования русского языка. Например, на Дальнем Востоке, где главным основанием говорить о региолекте является региональная лексика, весомую часть которой, по данным Е.А.Оглезневой, составляют заимствования из китайского языка [6]. Забайкальский региолект, по мнению исследователей, сформировался также в связи с тесным контактом двух народов и влиянием бурятского языка на русский [7]. Проблема региолекта поднимается и на материале русского языка, функционирующего в Донбассе. Например, В.И.Теркулов утверждает, что «языковые разновидности, которые функционируют на Украине... могут быть определены сейчас как региолекты единого русского национального языка», а не как национальный вариант украинского языка [8]. В другой своей статье В.И.Теркулов подчеркивает, что существование региолекта подразумевает обнаружение региолектных черт у всех жителей региона, хоть и в разной степени. В понимании автора региолект — это особая организация всего языкового пространства региона [9]. И.А.Курдейко отмечает, что языковые контакты способствуют регионализации языка, с чем мы и вышеназванные исследователи солидарны [10].

Опираясь на сказанное, разумно предположить существование крымского и севастопольского региолекта, так как речь русскоязычного населения крымчан подвергалась влиянию как минимум одного языка — украинского. Депортация крымских народов во время Великой Отечественной войны привела к превалированию русского языка в Крыму. Реабилитация депортированных крымчан в конце XX века имела, предположительно, противоположный эффект. Русский язык в Крыму мог оказаться в относительной изоляции после развала СССР (с этим связана изоляция русского языка и активное влияние украинского на русский). Об этом пишет Ю.Л.Ситько: «...в Крыму функционирование русского языка стало ограничиваться: объем преподавания русского языка был сильно сокращен<...>. Взамен увеличился объем преподавания украинского» [11]. Переход Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г. мог вызвать новые процессы в функционировании русского языка на полуострове.

Целью этой статьи является подтверждение гипотезы о существовании особого региолекта Крыма и Севастополя на материале, собранном в долине Большого Севастополя (с. Терновке). Сбор материала проходил

летом 2019 г. Для чистоты эксперимента интервьюеры не сообщали об истинных целях исследования респондентам. Предполагалось, что так опрашиваемые не станут намеренно следить за правильностью произношения и создастся естественная обстановка разговора. История Терновки, личная история переселения были основными темами разговоров.

Первая группа, интересовавшая интервьюеров — местные сельчане, проживающие на территории Терновки больше тридцати лет. Старожилами в большинстве случаев оказывались крымские татары.

Речь татар, к слову, представляет особый интерес для исследования, так как отражает взаимодействие как минимум двух неродственных языков — русского и крымскотатарского, а учитывая территориальный аспект — и украинского.

Также в роли опрошенных выступили дети возрастом 10—12 лет и молодежь 25—30 лет.

Рассмотрим некоторые отличительные черты, присущие речи жителей Терновки.

Фонетические особенности

Гласные

Произношение сельчан характеризуется полным аканьем после твердых согласных, а после мягких — иканьем, что соответствует русской литературной норме.

Черты оканья и еканья встречаются редко, в основном в речи пожилых людей: [унáс мнóго býло], [с'экp'ётна]. Предположительно, гласная в корне в словах *оплочено* и *плотят* свидетельствует о гиперкоррекции, при которой исконная для данного слова <a> заменяется на <o>. Такая же ситуация была отмечена и при исследовании других населенных пунктов долины Большого Севастополя [12].

Слабая редукция регулярно наблюдается в абсолютном начале слова и в первом предударном слоге, что соответствует кодифицированной норме. Сильная же редукция не имеет такого закономерного характера и часто заменяется слабой в заударных слогах, а также во втором предударном слоге (гласные сохраняют свои качественные характеристики): [карáндаш'ёу], [закóн'ч'ила], [мáнаст'ёр'], [вбáклáв'е], [фклáдывáл].

Интонация в речи татар отличается большей экспрессивно-эмоциональной силой по сравнению с интонацией представителей русского населения села Терновки. Русская речь местных татар характеризуется нетипичной расстановкой логических пауз. В конце повествовательных предложений частотна восходящая интонация, которая приводит к трудностям при определении границ синтагм и коммуникативного намерения говорящего. Это слышно в аудиозаписях разговорной речи одной из старожилок — Бие (Веры) Муслимовой: [ujá uhi'ó ч'ístáj' / já ч'ístáj' татáрк'ь крýмск'ьj' / см'ёш н'ёту унáс↑].

Что касается **ударения**, то большинство опрошенных местных жителей ставят его на второй слог в слове *Украина* и производных от него словах (*укра́инский*, *по-укра́ински* и т.д.). Все информанты, упоминавшие название города Керчи, делали ударение на второй слог, что свойственно жителям Крыма и является отступлением от литературной нормы. Вызывает интерес и ударение в названии местной реки Ай-Тодорка. Правильным вариантом является ударение на третий слог, как и произносят русские жители села. В то время как среди татарского населения более распространенным считается ударение в слове на второй слог — *Ай-Тóдорка*.

Приводим и другие случаи отклонения от нормы, наблюдаемые у жителей села Терновки: *нáчался / нáчалось, с камн'я, яйчк'и, по дóговору, килóметре, сливóвый, продáл, пр'ízыв, пон'яли / пон'яла, звóнит, забрáла, обеспéчение, красив'ее, Пáллас (Пётр Симон)*.

Согласные

В речи информантов наблюдаются такие фонетические процессы, как полная ассимиляция [мускóу], [ód'ыха], неполная ассимиляция (часто на границе слов): [фшкóл'ь], [в'эдз'д'эс']. Переселенцы из Узбекистана называют узбекский язык *узбецким*, что так же связано с ассимиляцией. Наблюдается контактная диссимиляция [н'ихтó], однако стоит отметить, что если в слове *конечно* она проходит у всех информантов, то в слове *скучно* её, как правило, нет.

В произношении опрошенных информантов преобладает русское взрывное «г». Фарингальное «г» встречается в речи людей, живших какое-то время на Украине или обучавшихся в школах по украинской программе в 1990—2000-х гг., тогда мы обнаруживаем [hъвар'ý], [hóрат], [ар'иh'иналы] и т.д. Те же тенденции были обнаружены и при обследовании речи жителей Байдарской долины Большого Севастополя [12]. В речи детей до 15 лет, а также татар всех возрастов фарингальное «г» на месте русского взрывного не отмечается.

Губно-губной [w] практически не встречается, его следы обнаруживаются на месте губно-зубного [v] лишь у двух информантов пожилого возраста [wót], [пp'иwыкла]. Было отмечено единичное проявление цеканья в слове *тётя*.

Особенности синтаксиса

Синтаксические особенности речи местных информантов проявляются, как правило, в некорректно построенных / нелогичных конструкциях: *я щас имела одного* (пропущено *в виду*), *возобновить камеры* (т.е. работу камер), *видео целый час стояло и видело*, *воронежские говорят лексиконом «О»*.

Встречаются случаи оксюморона (*покупать бесплатно*), тавтологии (*детский педиатр*, *мусульманская мечеть*), метонимии (*яблоня выращивалась на экспорт* — т.е. яблоки, *возьмите телефон* - номер телефона, *закончила Дерюгина* - колледж имени Жени Дерюгиной).

В предложении *Можем прогуляться на плотину, там Ай-Тодорка в нее вливается* можно отметить, во-первых, выбор глагола *вливается* в значении *впадает*, во-вторых, местную лексическую особенность: плотина воспринимается жителями Терновки не как сооружение, перегораживающее водоток для поднятия воды, а как водный объект.

Кроме того, выбор предлога в синтаксеме *в Украине* соответствует украинской норме. Согласно нормам русского языка, в данном случае должен стоять предлог *на*. Ненормативный предлог также встречается в синтаксемах *с Ялты, с Москвы*, что обусловлено влиянием украинского языка (*з села, з Ялти, з Москви*).

В речи одного из информантов фиксируется неверное употребление предлога *на* с существительным в предложении *Моего дедушку знают все на селе*. Выбор предлога, возможно, связан с устойчивым выражением *первый парень на деревне / селе*.

За счет неверного выбора предлога и падежа существительного одним из информантов искажается смысл во фразе *Надо записаться к охраннику*.

Морфологические особенности

Среди местного населения (особенно среди татар) распространено неверное употребление рода: *Старая Шули, она здесь родился, образовался Украинская ССР, было День рождения, наше кофе, коренных остался мало*.

Наблюдаются проблемы выбора падежа, предложно-падежной формы, фиксируемые в таких случаях: *по окончании школы, сейчас водохранилище занимается Марков, что бы мне это не стоило, от монгол, что здесь только не было, сидеть в компьютере*.

Падежное окончание в синтаксемах *[вукраїн'у]*, *[фс'ивастопал'у]* может свидетельствовать о влиянии на речь украинского языка, где в местном падеже существительные обретают подобное окончание.

Особенности лексики

Частотной ошибкой в речи информантов является неправильное употребление слов: *уроженка тридцать седьмого года (родившаяся в 1937 году), подчиняются одному муниципалу (муниципалитету), получился неурожай (случился/ был), какой структурой занимаются родители (т.е. в какой сфере работают), здесь такое появилось наречие (название), устройте прямой эфир (снять на камеру), воронежская национальность (население), выращивать зверушек (разводить), даже я татар (татарин), возносит цветочки (возлагать), самый первый (лексически избыточное сочетание), говорят лексиконом «о»*.

В целом уникальные онимы жителей Терновки можно условно разделить на несколько групп:

Микроантропонимы / прозвища: *Бородач* — бородатый охранник, *Бита* — охранник с полицейской дубинкой, *Робот* — друг одного из информантов, резко, топорнодвигающийся, *Домовой* — домашний ребенок, который нечасто гуляет с друзьями, *Кузя* — производное от фамилии, *Домовёнок* — человек со взъерошенными волосами, *Винни-Пух* и *Пяточок* — два неразлучных друга, *Ералаш* — местные не смогли объяснить происхождение клички.

Топонимы: *Нижний, Средний и Верхний Сахалин* (район села, отделённый от центра), *Собачка* (район, получивший название из-за большого количества собак, живших при строительстве этой части села), *Вэлкóме* (местный безымянный отель с вывеской “Welcome”), *платан Палласа* (сквер у платана), *плотина / дамба* (озеро, где купаются люди).

Фитонимы: *зверочай* (растение, похожее на шалфей), *ожина* (ежевика, слово из украинского языка), *маис* (кукуруза).

В образовании онимов преобладает лексико-семантический способ.

Часто информанты используют просторечную и разговорную лексику: *здесь, тама, тута, ездием, пошлите, отсюдова, щас, ваще, такое, нету, ихний, обнова, блювать, заброшка, матюкаться, по-любому, тупо, чисто, хана, батя, дитё*. Речь молодежи изобилует сленговыми словами *шарага* — ПТУ (жаргон), *ЧСВ* — чувство собственной важности / тщеславие (аббревиация), *раздуплиться* — сообразить, выйти из ступора (жаргон), *днюха* — день рождения (аффиксация), *сваливать* — удалиться. Встречаются и другие слова, относящиеся к жаргонной лексике: *жесть, в натуре*.

Также было зафиксировано нетипичное словосочетание *сидеть на звонке* в значении ожидать звонка.

Просмотр — пример компьютерного сленга, передающий факт просмотра человеком записи, поста, выложенных в сеть; исчисляется количеством людей, просмотревших контент.

Особенно интересными являются авторские неологизмы: *растеряны* (в значении разбросаны), *запортачить* (т.е. испортить), *староселец* (т.е. старожил данного села).

Встречается распространенный ошибочный вариант слова *фотогеничный* — *фотогигиеничный*.

К случаям заимствования можно отнести слова, пришедшие из английского языка и характеризующие предметы для развлечения детей: *слайм*, он же *лизун* (желеобразная игрушка), *батэр* (мажущийся лизун), *флаффи слайм* (воздушный лизун).

Такие слова, как *офник* (околофутбольный агрессивный фанат, модно одевающийся, отличительным знаком которого является нашивка-компас — эмблема компании Stone Island) и *флексить* (хвастаться своими танцевальными навыками) еще осознаются как заимствованные и распространены лишь среди молодежи, в отличие от неологизма *топовый* (входящий в число лучших, популярный), которое произведено от английского слова *top* (*верхушка*), используется шире. В ходе сбора материала была выявлена тенденция обращения старшего поколения к устаревшим словам, в то время как молодежь пополняет свой лексический запас словами из английского языка.

Отсутствие смягчения в слове *аренда*, *академ* в речи человека говорит о том, что процесс адаптации этих заимствованных слов еще не завершился.

Обнаружено единичное заимствование из украинского языка — *хатынки*.

Отличаются и заполнители пауз по возрастам: у людей до 30 лет частотными вставками являются *типа, ну такое, как бы, ну, короче*, а у старшего поколения *это самое, вот, короче говоря*. Зафиксировано частотное употребление устаревшего союза *то бишь* в качестве заполнителя пауз одним информантом (русский, 30 лет).

Описанное выше позволяет сказать, что в с. Терновка русский язык функционирует в форме просторечия.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ г. Севастополя в рамках научного проекта №18-312-50003.

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001. С. 23.
2. Хорошева Н.В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках // Вестник Пермского университета: Российская и зарубежная филология. 2011. № 3(15). С. 32-36.
3. Ерофеева Е.В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, 2005. С. 100.
4. Зварыкина И.С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) // Гуманитарные исследования. 2013. № 2(46). С. 30-36.
5. Кадола Т.А. Региональная лексика как проявление поликультурности // Язык и культура. 2011. № 2(14). С. 22-28.
6. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 119-136.
7. Харанутова Д.Ш. Регионализмы забайкальского диалекта как результаты языковых контактов // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 40. С. 113-118.
8. Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы // Филология и культура. 2012. № 2(28). С. 117-120.
9. Теркулов В.И. О понятии «региолект» // Вестник Донецкого национального университета, серия Д.: Филология и психология. 2018. № 3-4. С. 5-16.
10. Курдейко И.А. Донецкий региолект в его статусных характеристиках // Известия ВГПУ, Филологические науки. 2018. № 5(138). С. 122-126.
11. Ситко Ю.Л. К вопросу об особом варианте русского языка в г. Севастополе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 23-31.
12. Антоненко Н.С. Обследование функционирования русского языка в Байдарской долине Большого Севастополя летом 2018 года // Ломоносов-2019: Материалы XXVI Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2019». Севастополь, 2019. С. 188-189.

References

1. Gerd A.S. Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya [Introduction to ethnolinguistics: course of lectures and anthology.]. Saint Petersburg, 2001, p. 23.
2. Khoroosheva N.V. Regiolekt kak promezhutochnyy idiom vo frantsuzskom i russkom yazykakh [Regiolect as an intermediate idiom in French and Russian]. Vestnik Permskogo universiteta: Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya, 2011, no. 3(15), pp. 32-36.
3. Erofeeva E.V. Veroyatnostnye struktury idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt [Probabilistic models of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm', 2005, p. 100.
4. Zvarykina I.S. K voprosu o sootnoshenii dialekt'nogo i regional'nogo v russkom yazyke (na primere leksiki Astrakhanskogo kraia) [On the correlation of dialect and regional in the Russian language (on the example of vocabulary of the Astrakhan region)]. Gumanitarnye issledovaniya, 2013, no. 2(46), pp. 30-36.
5. Kadolo T.A. Regional'naya leksika kak proyavlenie polikul'turnosti [Regional lexemes as manifestation of multiculturalism]. Yazyk i kul'tura, 2011, no. 2(14), pp. 22-28.
6. Oglezneva E.A. Dal'nevostochnyy regiolekt russkogo yazyka: osobennosti formirovaniya [Characteristics of the Far Eastern regiolect of the Russian language]. Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii, 2008, no. 2(16), pp. 119-136.
7. Kharanutova D.Sh. Regionalizmy zabaykal'skogo dialekta kak rezul'taty yazykovykh kontaktov [Transbaikalian regional dialect as result of language contacts]. Vestnik Kalmytskogo universiteta, 2018, no. 40, pp. 113-118.
8. Terkulov V.I. Regiolekt ili natsional'nyy variant: k postanovke problemy [Regiolect or national variant: problem statement]. Filologiya i kul'tura, 2012, no. 2(28), pp. 117-120.
9. Terkulov V.I. O ponyatii "regiolekt" [On the concept 'regiolect']. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta, seriya D.: Filologiya i psikhologiya, 2018, no. 3-4, pp. 5-16.
10. Kurdeyko I.A. Donetskyy regiolekt v ego statusnykh kharakteristikakh [Donetsk regiolect and its status characteristics]. Izvestiya VGPU, Filologicheskie nauki, 2018, no. 5(138), pp. 122-126.
11. Sitko Yu.L. K voprosu ob osobom variante russkogo yazyka v g. Sevastopole [A variety of the Russian language in Sevastopol]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya, 2017, no. 3, pp. 23-31.
12. Antonenko N.S. Obsledovanie funktsionirovaniya russkogo yazyka v Baydarskoy doline Bol'shogo Sevastopolya letom 2018 goda [Russian language survey in the Baydar Valley of Greater Sevastopol (summer, 2018)]. Proc. of "Lomonosov-2019" (XXVI). Sevastopol', 2019, pp. 188-189.

Sitko Yu.L., Kuprijanova M.V., Kalinichenko I.A., Mitsov V.A., Kurapova Yu.V. Studying the speech of Ternovka village residents (Sevastopol). We carried out a field research to record spontaneous conversation of inhabitants of Ternovka village to construct a spoken corpus of this area. The article presents the results of compilation and processing of informants' spoken speech. The authors also use the findings on colloquial speech from other settlements of Greater Sevastopol and try to find out whether there is a regiolect of Sevastopol and the Crimea. The task involves describing the speech characteristics of Ternovka's villagers and comparing these data with materials collected in other settlements of Greater Sevastopol.

Keywords: Crimea, Sevastopol, Ternovka, regiolect, dialect, literary language, variant, Russian, Crimean Tatar, Ukrainian.

Сведения об авторах. Юрий Леонидович Ситько — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе, yurii.sitko@gmail.com; Мария Владимировна Куприянова — студентка 2 филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе, кафедра русского языка и литературы; kupriianovamariia@gmail.com; Ирина Александровна Калиниченко — студентка 4 курса, Филиала МГУ имени М.В.Ломоносова в г. Севастополе, кафедра русского языка и литературы; kalinichenkorina@gmail.com; Владимир Алексеевич Митасов — учащийся 10 кл. ГБОУ СОШ №49, vovkamit12@mail.ru; Юлия Валерьевна Курапова — студентка 2 курса, Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова в г.Севастополе кафедра русского языка и литературы; julia691d@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.11.2019. Принята к публикации 30.11.2019.